

Контингентность как условие возможности класса

АННА
ЕГОРОВА

«**В**ся предшествующая история есть история борьбы классов» – так звучит один из ключевых тезисов «Манифеста коммунистической партии». Для большинства марксистских практиков эта связь класса с историей оставалась непреложной. Однако сегодня очевидно, что, несмотря на продолжение истории (в том числе истории, выраженной в социальных противоречиях и борьбе за освобождение угнетенных групп), класс ушел из политической и теоретической повестки. Впрочем, отход от класса не привел к возникновению нового «прогрессивного» альянса социальных сил, а реактуализация левой политики в западных странах заставляет ряд теоретиков вновь возвращаться к вопросу о классе¹. Как известно, определение рабочего класса у Маркса найти нельзя. Более того, между тем, как класс фигурирует в «Манифесте коммунистической партии» и «Капитале», есть большое различие. Если «Манифест» констатирует стремительный количественный рост пролетариата, то третий том «Капитала» обрывается на попытке выявить, что в принципе делает класс классом.

Определение социального класса является краеугольной и вместе с тем проблематичной процедурой в марксистской теории. В саму концепцию класса всегда была заложена двойственность: это одновременно категория, характеризующая социальную стратификацию, и понятие, обозначающее субъекта истории и политической практики. Представляется, что само по себе классовое отношение как воспроизводящая структура еще не означает, что класс имеет политическое значение. Поскольку в XIX и XX веках общим местом марксистской теории была революционная миссия рабочего класса, именно эта историческая роль и наделяла классовую борьбу политическим значением – победа пролетариата в классовой борьбе означала переход к новому обществу. Сегодня ясно, что экономический и технический детерминизм (развитие техники и производительных сил ведет к развитию политического потенциала пролетариата и его венчающей революцию победе) потерпели теоретическое и политическое поражение, а связанная с детерминизмом линейная концепция истории



Анна Егорова (р. 1990) – аспирантка Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра современных политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

¹ CHIBBER V. *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press, 2022; HARDT M., NEGRI A. *Empire Twenty Years on* // *New Left Review*. 2019. № 120 (<https://newleftreview.org/issues/ii120/articles/empire-twenty-years-on>).

неоднократно подвергалась критике со стороны философии истории и теории историографии². Следовательно, главный вопрос, на который необходимо ответить для того, чтобы начать разговор о возврате к классу, состоит в следующем: можно ли говорить о политическом измерении понятия «класс», если отказаться от представления о его исторической миссии? Ответу на этот вопрос и будет посвящена моя статья.

Ключевой тезис, который мне хотелось бы выдвинуть, состоит в том, что условием возможности класса является политическая контингентность, а не экономическая необходимость. Для того чтобы обосновать эту мысль, я обращусь к концепции множественной темпоральности Луи Альтюссера и к теории классовой борьбы Даниэля Бенсаида, который понимал ее как разворачивающуюся не только на уровне производства, но и в других сферах общества. Далее я воспользуюсь идеей политической интерпелляции Стефано Пиппы как особого вида теоретико-политического дискурса, который предполагает субъекта в качестве возможного (в отличие от идеологического дискурса, для которого субъект всегда уже интерпеллирован), и с ее помощью покажу, как такая «контингентная» интерпелляция связана с политической субъектностью класса. Кроме того, я постараюсь показать, что классовая борьба, первичная по отношению к классу как политической силе, связана с вопросом о месте в этой борьбе и не подразумевает тезиса об «исторической необходимости» или «двигателе истории». В заключение я прослежу актуальные политические импликации переосмысления класса в связи с тезисом о контингентности политической практики.

ПУСТОЕ ВРЕМЯ КАПИТАЛА И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КОММУНИЗМА

Отвечая на вопрос, что является первичным – классовая борьба или существование классов, – мы всегда уже занимаем определенную позицию в классовой борьбе. Если классовая борьба – это антагонистическое отношение, то по самой постановке вопроса видно, что такой антагонизм следует понимать как асимметричный, поскольку неизбежный характер конфликта признается лишь одной стороной, а общая ставка в этой борьбе отсутствует. Точка зрения классовой борьбы задает горизонт конфликта, позволяет увидеть в основе общества структурирующий его антагонизм. Противостоит ей либо взгляд на общество (гражданское рыночное общество) как на

2 Более подробно об этом: Егорова А. *К переосмыслению категории класса: tempora multa множественного субъекта* // 2021. Логос № 4(143). С. 171–192.

саморегулирующуюся систему, либо, даже если противоречия признаются как неизбежные, провозглашается необходимость институциональной, управленческой регуляции общественных конфликтов с целью достижения социальной гармонии. Луи Альтюссер определял асимметричное классовое отношение как «отсутствие отношений» – и поэтому единственное реальное отношение в обществе. Подобно тому, как в постановках Брехта враг героя не является его *alter ego*, также и пролетариат не является *alter ego* буржуазии.

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

«Рабочий класс не есть отрицание капиталистического класса или лишенная капитала и власти буржуазия, а капиталистический класс – это не рабочий класс плюс что-то еще, а именно богатство и власть. Они не живут в общей истории, не разделяют один и тот же мир, они не ведут одну и ту же классовую борьбу»³.

В этом смысле в классовой борьбе сталкиваются, но никогда не унифицируются различные темпоральности. На мой взгляд, попытка Гари Гошгаряна установить связь между концепцией мультитемпоральности социальной структуры и концептом пустоты (*le vide*) Альтюссера периода алеаторного материализма может быть весьма продуктивной. Коммунистический способ производства уже существует в капиталистическом (так же, как и феодальный) как «не-существующий»⁴. Например, элементы феодальных или племенных отношений могут сосуществовать с капитализмом как господствующим способом производства, но при этом быть встроенными в него так, чтобы не оказывать на него преобразующего воздействия. Аналогичная гипотеза может быть выдвинута не только в отношении элементов прошлого, но и будущего, в частности, коммунистического способа общественной организации.

**Отвечая на вопрос, что является первичным –
классовая борьба или существование классов, –
мы уже занимаем определенную позицию
в классовой борьбе.**

Теоретическую иллюстрацию подобного модуса существования элементов будущего можно найти в прочитанных Альтюссером в 1972 году лекциях, посвященных «Рассуждению о происхождении неравенства» Руссо. Поскольку Руссо поставил себе задачу описать естественное состояние, не приписывая естественному человеку качеств индивида в гражданском обществе, ему потребовалось изобрести человека без социаль-

³ ALTHUSSER L. *Essays in Self-Criticism*. London: New Left Books, 1976. P. 184.

⁴ GOSHGARIAN G. *The Void of the Forms of Historicity as Such* // *Rethinking Marxism*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 246.

ности. Но, так как человек становится социальным, оказываясь в обществе вследствие природных катастроф, у него должна быть некоторая виртуальная форма социальности (сострадание, *pitié*), развитию которой что-то в естественном состоянии препятствует. Этим препятствием, настаивает Альтюссер, является лес, где живет первобытный дикарь Руссо: «Лес – это истина естественного состояния, концепт чистого естественного состояния, условие для реализации одиночества и внеобщественности [*non-société*], определяющих человека»⁵. Комментируя ход мысли Альтюссера, Гошгарян показывает, что в доисторическом лесу естественного состояния сострадание (*pitié*) как единственная форма социальности существует в модуле «не-существования», поскольку оно «не производит реальных эффектов, ничего в нем не меняет»⁶. Парадокс такой виртуальности или нереализованной возможности в том, что, хотя историей она *post factum* опознается в качестве необходимости, в настоящем времени эта возможность не реализуется, поскольку существует нечто, что этому препятствует.

Аналогичным образом «продолжающееся не-завершение элементов коммунизма в капитализме помещает их в пустоту, где они продолжают существовать лишь в некоторой степени, исключенные из капитализма в капитализме, подвешенные в неопределенном “будущем в прошедшем” как виртуальности будущего, которое может никогда не наступить»⁷. Пожалуй, именно в этом смысле в лекции 1976 года, посвященной концепции диктатуры пролетариата, Альтюссер говорит о том, что в классовой борьбе нет одного единого времени. В ней накладываются друг на друга и переплетаются различные времена, среди которых – темпоральность коммунизма, воплощенная в «организованной классовой борьбе, народных инициативах на заводах, в пригородах, школах, в художественных, научных и теоретических практиках»⁸.

В этом контексте уместно вспомнить один из важных элементов философии Альтюссера, а именно – понятие недодетерминации (*sous-détermination*), которое связано с концепцией сверхдетерминации, но не является ее противоположностью. Как следует из эссе Альтюссера «Противоречие и сверхдетерминация», последняя означает несводимость общественной формации к одному простому внутреннему принципу. Например, противоречие между трудом и капиталом осложняется политическими, национальными, идеологическими и другими

5 ALTHUSSER L. *Cours sur Rousseau*. Paris: Le Temps des Cerises, 1972. P. 116.

6 GOSHGARIAN G. *Op. cit.* P. 259.

7 Ibid. P. 268.

8 ALTHUSSER L. *Some Questions Concerning the Crisis of Marxist Theory and of the International Communist Movement* // *Historical Materialism*. 2015. Vol. 23. № 1. P. 177–178.

противоречиями. Но и экономическое противоречие воздействует на все остальные инстанции⁹. Недетерминацию Альтюссер определяет как «порог детерминации, без преодоления которого революции терпят неудачу, революционные движения стагнируют или исчезают, а империализм и далее загнивает по мере своего развития»¹⁰. От прочих эффектов ее отличает именно отсутствие действенности, а само существование сверхдетерминированной структуры зависит от того, чтобы определенные эффекты оставались отсутствующими, как это происходит в случае с состраданием доисторического человека во втором рассуждении Руссо. В общественной формации переплетаются, но не встречаются различные способы производства и их времена, а воспроизводство этой формации зависит от отсутствия такой встречи. Гошгарян резюмирует:

«Любая общественная формация подвешена над пропастью своего разрушения в случае взрывного объединения элементов ее прошлого, настоящего и возможного будущего – то есть различных способов производства. Пока подобное взрывное единство не возникает, эти элементы не достигают взаимной интеграции и никогда, так сказать, не встречаются, объединенные лишь проживаемым отношением отсутствия отношений [*lived relation of non-relation*]»¹¹.

Иными словами, классовая борьба становится представимой лишь с точки зрения коммунизма как виртуальности. Темпоральность коммунизма (наряду с темпоральностями других общественных формаций) со-существует с темпоральностью капитализма в негомогенном настоящем, но в подчиненном состоянии, поскольку выполняются условия его не-существования. Для алеаторного материализма пустота не является ничем, скорее она воплощает условия не-существования, обозначая недостаточную детерминацию, которая несимметрична по отношению к сверхдетерминации, поскольку проявляется именно в отсутствии эффектов в структуре целого¹². Политика оказывается несводимой к социальному так же, как политическая практика или факт, который необходимо свершить (*fait à accomplir*), несводимы к истории или свершившемуся факту (*fait accompli*). Политика призвана оспорить устойчивость социального факта, и она может сделать это благодаря тому, что пребывает в другом по отношению к социальному факту времени. Социальное – мультитемпоральная структура с доминантой, а политика – практика, направленная на актуализацию возможнос-

9 АЛЬТЮССЕР Л. *Противоречие и сверхдетерминация* // Он же. *За Маркса*. М.: Праксис, 2006. С. 127–170.

10 ALTHUSSER L. *Essays in Self-Criticism*. P. 187.

11 GOSHGARIAN G. *Op. cit.* P. 262.

12 *Ibid.* P. 261.

тей, детерминированных (в своей недетерминированности) этой структурой. Поэтому политика – это именно интервенция в конъюнктуру. Какое отношение это имеет к классу? Класс не является объективной эмпирической данностью. Классовая борьба с точки зрения темпоральности коммунизма включает в себя борьбу за «класс», за его конституирование в качестве политической силы.

СЛОЖНОЕ ЕДИНСТВО КЛАССА КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА

В марксизме классовое противоречие принято связывать с «сокровенными недрами» производства, где создается прибавочная стоимость. Такое понимание является еще очень схематичным и абстрактным, более того, оно освобождает сферы обращения и воспроизводства от классового противоречия. Очевидно (как на уровне здравого смысла, так и для читателя «Капитала»), что продавец и покупатель рабочей силы не находятся в равных условиях на рынке труда. Кредиторы и люди, берущие микрозаймы, чтобы прожить до следующей зарплаты, также не являются равноправными игроками. Картина становится еще более сложной, если принять в расчет международное разделение труда, концентрацию мирового производства в Азии и Африке, а также трансграничное движение рабочей силы и его регулирование на национальном и наднациональном уровнях¹³. Комплексная детерминация класса подразумевает, что вопрос о том, кто входит в рабочий класс, а кто – нет, является и политическим вопросом. Воспроизводство производственных отношений и рабочей силы невозможно без воспроизводства условий, при которых огромное количество людей видят в продаже собственного труда единственный способ выжить. Приведение рабочей силы в соответствие с потребностями производства осуществляется не только на предприятиях, где различия в уровне квалификации ведут к различиям к оплате, но и в ряде общественных и государственных институтов. Все эти условия не являются устойчивыми, но существуют только при воспроизводстве классового господства, которое сопровождается классовой борьбой на всех уровнях. Иными словами, условия производства и воспроизводства капитала как социального отношения оказываются в высшей степени политическими.

С одной стороны, разделение на классы – уже результат политического соотношения сил, с другой, – классовая борьба

13 Вопрос о комплексной детерминации рабочего класса поднимает, в частности, Даниэль Бенсаид в: BENSALID D. *Marx l'intempestif. Grandeurs et misères d'une aventure critique*. Paris: Fayard, 1995.

сама является лишь предпосылкой для политического формирования класса. Этот амбивалентный характер классовой борьбы был точно подмечен Лениным:

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

«Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно в последнем счете всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот “последний счет” подводится лишь политической борьбой – иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время»¹⁴.

Ленин указывает на относительную автономию сферы политики и несинхронность между этой сферой и социальной жизнью. Для того чтобы наиболее глубинное политическое разделение общества (стратегическое разделение) проявило себя, необходим целый ряд опосредований и политических столкновений, необходима конкретная борьба, которая развивается не постепенно, но скачками, поскольку только в ходе этой борьбы, через непосредственную артикуляцию политических требований и заключение альянсов «творцы и участники» этой борьбы все лучше понимают собственные цели. Поэтому, если мы можем говорить, что некоторому движению необходимо обдумать свою стратегию, это означает, что требуется перевод социальных или экономических требований на политический язык, который позволит взаимодействовать с другими движениями и политическими силами, выстраивая с ними альянсы.

Условия производства и воспроизводства капитала } как социального отношения оказываются в высшей } степени политическими. }

Продуктивной с точки зрения более комплексного понимания классового противоречия представляется гипотеза Даниэля Бенсаида о необходимости воспринимать все три книги «Капитала» в их единстве. Опираясь на описание механизма кризисов, предложенное Марксом в «Теориях прибавочной стоимости», Бенсаид выводит различие между формальной и реальной причинами кризисов¹⁵. Форма определяет реальную

14 Ленин В. *Задачи революционной молодежи* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 7. С. 344.

15 BENSARD D. *La discordance des temps. Essais sur les crises, les classes, l'histoire*. Paris: Les Editions de la Passion, 1995. P. 46.

возможность, но такая возможность не может быть причиной сама по себе. «Конкретная причина всегда связана с историческими и политическими детерминациями, с борьбой»¹⁶. Подобно кризису, класс с его множественными детерминациями одновременно является и возможностью, и стратегической гипотезой, которая, учитывая структурную гетерогенность класса, стремится к его политическому объединению. В «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс показывает, что в моменты кризисов социальные группы теряют свою устойчивость, а привычная связь с политическими партиями и формами репрезентации распадается. В такие критические моменты ход истории ускоряется, а классовая борьба влечет за собой поляризацию общества. Следовательно, такое предельное политическое разделение сверхдетерминировано, а его «исходным материалом», по выражению Этьена Балибара, являются массовые движения, практики и идеологии¹⁷. Кризисы – это моменты разлома, бифуркации, когда видимая синхронность и гомогенность времени производства обнаруживает свою несогласованность, а социальные и политическая темпоральности сталкиваются друг с другом. В такие моменты могут быть оспорены и ключевые политические означающие.

Политическая борьба классов не поверхностное отражение некоторой сущности. Она «артикулирована как язык и действует посредством конденсации социальных противоречий и смещений; у классовой борьбы есть свои мечты, свою кошмары и свои оговорки»¹⁸. В специфическом поле политики отношения между классами обретают степень сложности, не сводимую к биполярному антагонизму, который тем не менее эти отношения определяет. Рабочий класс не объединяется спонтанным образом благодаря капиталу – наоборот, его разделяет конкуренция, особенно в период кризиса. А значит, его «социальное и политическое объединение представляет собой перманентную стратегическую задачу»¹⁹. Представление о социальном целом как о состоящем из элементов с собственной темпоральностью, указывает на то, что негомогенность класса является его структурной особенностью, а мультитемпоральность может препятствовать гомогенизации. Неодновременность одновременного в классе требует политического вмешательства. Политика и социальное никогда не тождественны, класс не обладает имманентным ему классовым сознанием, и его политическая репрезентация может быть как прогрессивной, так и реакционной.

16 Ibid.

17 BALIBAR E. *The Notion of Class Politics in Marx // Rethinking Marxism*. 1988. Vol. 1. № 2. P. 44.

18 BENSARD D. *Marx l'intempestif...* P. 133.

19 ИДЕМ. *Stratégie et Parti*. Paris: Les prairies ordinaires, 2016. P. 121.

Внутренние разделения класса, вызываемые различными уровнями детерминации, а также взаимосвязь классовой эксплуатации с гендерными, расовыми, колониальными отношениями ставят под вопрос представление о классе как о субъекте. Бенсаид так формулирует эту проблему:

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

«Если историю в конечном счете делают массы, то такое “делание” плохо согласуется с волей и сознанием в их обычном представлении. Является ли класс субъектом? Может быть, но субъектом гетерогенным, противоречивым, шизофреническим. Является ли воображаемая Лукачем партия субъектом? Возможно, но субъектом, подверженным [*su jet à*] приступам бреда, оговоркам и ужасающим кошмарам»²⁰.

Статис Кувелакис указывает на эту интуицию Бенсаида:

«Диалектическое понятие темпоральности подразумевает разрыв с традиционными марксистскими концепциями исторического субъекта как внутренне гомогенной и полностью суверенной коллективной силы вне зависимости от того, определяем ли мы его социально как класс или политически как партию»²¹.

Несводимость социального к политике и, наоборот, специфика политики, в которой социальные интересы и требования никогда не выражаются непосредственно, создают возможность для политической интервенции. Связанная с флуктуациями конъюнктуры артикуляция требований может служить выстраиванию альянсов при сохранении плюрализма. Конститутивный разрыв между политикой и общественной жизнью, различие между социальными группами и организациями, борющимися за свою репрезентацию, делают возможным политический союз угнетенных групп в их противостоянии капиталу, который, по ироническому замечанию Бенсаида, и является «великим объединяющим субъектом»²².

КОНТИНГЕНТНОСТЬ И КЛАССОВАЯ ПОЛИТИКА

В этом заключительном разделе я рассмотрю теоретические основания классовой политики, предполагающей имманентную гетерогенность класса. Рабочий класс или массовое классовое движение не возникает с необходимостью исторического закона, но зависит как от конкретной политической практики, так и от конъюнктуры. Такое утверждение скорее является призывом

20 ИДЕМ. *Marx l'intempestif...* P. 303.

21 KAUVELAKIS S. *The Time of History, the Time of Politics, the Time of Strategy // Historical Materialism*. 2016. Vol. 24. № 4. P. 162.

22 BENSALD D. *La politique comme art stratégique*. Paris: Mille Marxismes, 2011. P. 124.

к действию, нежели свидетельством бессилия теории. Сначала я проанализирую, как функционирует политическая интерпелляция, механизм которой Альтюссер обнаруживает в «Государе» Макиавелли. Затем покажу связь этого механизма с эстетической теорией отчуждения Брехта (*Verfremdungseffekt*). В завершение я проведу параллели между политическими дискурсами в «Государе» и в «Капитале» Маркса.

Формулировка политической практики в качестве проблемы – теоретической и политической одновременно – это открытие, которое совершает Альтюссер, анализируя структуру «Государя». Если мы согласимся с мнением Гошгаряна о том, что философская практика Альтюссера была бы непонятна для нас без центральной роли «диктатуры пролетариата» в его теории²³, то вопрос о классе и политической практике пролетариата предстает как имплицитно присутствующий в работах о Макиавелли. Перефразируя вопрос Альтюссера, адресованный флорентийскому автору: «С чего же следует начинать?» – в нашем случае следует спросить: «С чего начинать разговор о классе, отказавшись от представления о классе как о гомогенном субъекте истории?». Нужно начать с начала. «Начало – это, в конечном счете ничто, но не небытие, а пустота»²⁴. Такая пустота (*le vide*), по замечанию Стефано Пиппы, означает радикальное отсутствие достаточной причинности²⁵, недодетерминацию. Подобно тому, как для народа в «Государе» нет никакой объективной причины, чтобы конституировать себя в качестве нации и тем самым стать политической силой (обретя соответствующее сознание), так же и для проживающих определенную «классовую ситуацию» индивидов не существует достаточных объективных причин, которые превратили бы их в класс.

Отказ или неспособность учесть это условие, с точки зрения Макиавелли, могли обернуться опасностью оказаться «в плену прошлых и существующих форм и их бессилия»²⁶. Так и наше мышление о классовой политике оказывается либо в плену социальной иллюзии – класс предстает спонтанно в качестве автоматического субъекта политики и истории. Либо мы станем заложниками организационных форм прошлого века, где класс неизбежно означает промышленный рабочий класс, объединенный в профсоюзы и представленный партией. Этой неспособностью со стороны левых осмыслить одновременность неодновременного в классе, то есть продолжительное и

23 *Philosophy and Revolution: An Interview with G.M. Goshgarian* (www.viewpointmag.com/2016/07/18/philosophy-and-revolution-an-interview-with-g-m-goshgarian/).

24 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso, 1999. P. 68.

25 PIPPA S. *Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of «Political Interpellation»* // *Rethinking Marxism*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 365.

26 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us*. P. 77.

неизбежное сосуществование различных форм труда, активно пользуются реакционные силы. Правые политики – Дональд Трамп, Борис Джонсон, Виктор Орбан, Жаир Болсонару, Марин Ле Пен (а теперь еще и Эрик Земмур) – объявляют себя представителями промышленных рабочих, о которых левая теория и политика, занятые поисками более «прогрессивных субъектов», на время забыли. Выход из теоретического и политического тупика может быть связан с тем, что с точки зрения темпоральности коммунизма, которая для Альтюссера является детерминированным отсутствием в мультитемпоральной структуре, класс существует в классовой борьбе, и в том числе в борьбе за класс. Борьба за класс в свою очередь означает ставку на поиск новых форм солидарности, необходимых в условиях актуальных политических конфликтов.

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

Рабочий класс или массовое классовое движение не возникает с необходимостью исторического закона, но зависит как от конкретной политической практики, так и от конъюнктуры.

Возникновение или не-возникновение класса в качестве политической силы должно пониматься как контингентное, зависящее от конкретной политической практики и конъюнктуры. Возвращаясь к тезису об обратимости структуры и конъюнктуры, можно было бы сказать, что «модус структуры» – это то, как конъюнктура предстает взору теоретика, который представляет ее как «объект» теории. Но, если объектом теории становится некоторая «виртуальность», некоторое «определенное отсутствие», тогда структура интересует теоретика как конъюнктура. Иными словами, речь идет о динамическом соотношении противоборствующих сил, в котором господствующая сторона опирается на свершившиеся факты или воспроизводство структуры. Подобное нестабильное равновесие может быть нарушено благодаря возникновению новой силы. Поэтому при анализе конъюнктуры объектом теории становится факт, который необходимо свершить (*fait à accomplir*)²⁷. Такой анализ выявляет пустое пространство, которое необходимо заполнить, поместив в него действия индивидов или группы. Это пространство должно оставаться пустым, чтобы обозначить колебание, неопределенность теории, в которой политика появляется «собственной персоной, в форме детерминированного отсутствия»²⁸. Действуя подобным образом, теория создает

27 PIPPA S. *Op. cit.* P. 366.

28 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us.* P. 76.

пространство, пустоту, которое может заполнить политический субъект.

Неслучайно дискурс «Государя» формально имеет структуру, эквивалентную идеологическому (а не теоретическому) дискурсу: он подразумевает субъекта. Но подразумеваемый субъект сам является гипотезой, теоретически детерминированной реальной возможностью, а не необходимостью. Как замечает Пиппа, отсутствие в «Государе» «всегда уже» интерпеллированного субъекта делает этот дискурс сугубо политическим, предполагающим политическую интерпелляцию, поставленную в зависимость от контингентности решения²⁹. Можно предположить, что подобная теория политической интерпелляции могла бы служить дополнением теории «слабого звена» или сверхдетерминации, поскольку она имеет дело с «субъективными условиями» политической практики, в то время как оптика «Читать “Капитал”» и «За Маркса» относится к «объективным условиям» или данной через конъюнктуру структуре. Тогда раскрывается значение «недостаточной детерминации», ведь вмешивающийся в конъюнктуру политический субъект становится чем-то новым в самой конъюнктуре, изменяя тем самым степень детерминированности противоречия, на которое он воздействует.

В «Макиавелли и мы» Альтюссер вслед за Грамши сравнивает «Государя» с «Манифестом коммунистической партии». Напомним, что Грамши называет «Государя» утопическим манифестом, потому что объединителя итальянских земель, к которому обращен призыв эпилога, «не существовало в реальной исторической действительности»³⁰. Грамши утверждает, что в «Государе» содержится намек на то, что сам народ и должен стать государем и объединиться в некоторое коллективное тело³¹. С этой точки зрения «Манифест коммунистической партии», напрямую обращенный к пролетариату, не является утопическим. Однако для Альтюссера, как замечает Пиппа, утопия скорее характеризует «Коммунистический манифест», поскольку в нем пролетариат предстает заранее данным, тождественным самому себе. Там, где Грамши видит недостаток «Государя», Альтюссер обнаруживает преимущество. В то время как в «Манифесте коммунистической партии» пролетариат становится субъектом истории, в манифесте Макиавелли сохраняется разрыв, нетождество между политикой и историей (или социальным). И вместе с тем «манифесты не пишутся для индивидов, особенно несуществующих индивидов; манифест

29 PIPPA S. *Op. cit.* P. 377.

30 ГРАМШИ А. *Избранные произведения. Том 3. Тюремные тетради*. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 113.

31 Там же. С. 115.

всегда обращается к массам, чтобы организовать их в революционную силу»³². Такая сила у Макиавелли – это и есть народ в некоторой организованной форме, которому открылась тайна политики и который создает себя в качестве политического субъекта, обнаруживая собственную точку зрения. Эта оптика недоступна без некоторой теоретической операции, не является производной от социальной позиции. Схожим образом то, как классовый конфликт предстает в его мультитемпоральных детерминациях в «Капитале», создает некоторое пространство, локус, в котором может возникнуть класс, при этом нет сомнения, что «Капитал» написан с точки зрения пролетариата (тогда как «Государь» – с точки зрения народа). В этом смысле «Капитал» можно противопоставить «Манифесту коммунистической партии», поскольку в «Манифесте» пролетариат уже существует как некоторая данность. В «Капитале» (за исключением пассажа в конце 24-й главы первого тома, где говорится об организации рабочего класса «механизмом самого процесса капиталистического производства»³³) класс как таковой отсутствует, хотя везде – то есть на каждом этапе движения капитала (производства, обращения, воспроизводства целого) – намечаются возможности его возникновения.

В связи с этим противопоставлением показателен пример школы «нового чтения Маркса» (*Neue Marx-Lektüre*)³⁴. Критика этой школы, собранная Карлом Райтером в сборнике «Карл Маркс: философ освобождения или теоретик капитала?», среди прочего состоит в том, что сторонники «нового прочтения» якобы не видят в «Капитале» ничего другого, кроме неумолимого закона прибавочной стоимости, который подчиняет себе социальные группы, классы и отношения. То есть главным моментом этой критики является то, что классовая борьба как таковая в «Капитале» отсутствует³⁵. Вместе с тем эта критика показывает, что «Капитал» может быть прочитан двояко, что в самом «Капитале» происходит некоторое смещение, создается некоторое пространство, благодаря которому читатель не может напрямую, идеологически идентифицировать себя с протагонистом, как это происходит в случае с «Манифестом»,

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

32 ALTHUSSER L. *Machiavelli and Us*. P. 75.

33 МАРКС К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый*. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 772.

34 *Neue Marx-Lektüre* – близкая к Франкфуртской школе группа исследователей, которая в середине 1960-х обратилась к критике политической экономии Маркса, чтобы предложить последовательное осмысление роли формы стоимости в капитализме. Среди членов группы: Хельмут Райхельт и Ханс-Георг Бакхаус (1970–1980-е), Михаэль Хайнрих (1990-е – настоящее время). Труды последнего, в частности, отличаются сочетанием альтюссеррианской теории сложно структурированного целого с гегелевской диалектической логикой.

35 «*There Is a Tendency to Fetishize the Fetish*»: *An Interview with Karl Reitter* // *Viewpoint Magazine*. 2015. October 6 (www.viewpointmag.com/2015/10/06/there-is-a-tendency-to-fetishize-the-fetish-an-interview-with-karl-reitter/).

где рабочий класс и есть тот, к кому «Манифест» обращен (всегда уже интерпеллированный субъект идеологии).

В «Капитале» все происходит скорее, как в брехтовской пьесе. Альтюссер, проводящий параллели между методами Маркса и Брехта, так комментирует структуру пьес немецкого драматурга:

«Публика должна перестать отождествлять себя с тем, что ей показывают на сцене, она должна занять критическую позицию и сама принимать решения, судить, голосовать и делать выбор. Пьеса ничего за нее не решает. Пьеса – это не костюм из магазина готового платья»³⁶.

Заметим, что «Капитал» также не навязывает никаких готовых решений (и поэтому тезис об «экспроприации экспроприаторов как отрицании отрицания» не является руководством к действию, а указывает на его возможность, располагающуюся в неопределенном будущем времени).

«Публика должна сама выкроить для себя костюм из ткани пьесы или, лучше сказать, из кусков ткани, которые ей предоставляет пьеса. Ибо готового костюма для нее в пьесе нет. Говоря проще, в пьесе нет героя»³⁷.

Можно предположить, что «Капитал» с его комплексной детерминацией класса – это своеобразная пьеса без героя, которая лишь предоставляет «куски ткани», из которых может возникнуть классовая политика. Он указывает на различные темпоральности классовой борьбы и на возможность образования класса на пересечении этих различных темпоральностей. Поэтому «Капитал» может работать как политический дискурс, создающий пространство для возникновения политического субъекта, не постулируя его как уже заранее существующего. Для того, чтобы класс возник, необходимы действия и решения конкретных людей, проявляющие себя в форме организации. Политическая практика исходит из или начинается с классовой борьбы. Но только сама политическая практика может привести к тому, чтобы класс (разъединенный, не обязательно имеющий классовую точку зрения) стал классом. Чтение «Капитала» как пьесы без героя как раз подразумевает, что класс не возникает спонтанно в отведенном для него теорией месте, его конституирование – политическая и стратегическая задача, подобно тому, как для «Государя» политическая и стратегическая задача – это создание нации. При этом политическая субъектность класса зависит от конкретных политических практик, которые не являются необходимыми, но требуют политического выбора.

36 Альтюссер Л. *О Брехте и Марксе* // Он же. *Об искусстве*. М.: V-A-C press, 2019. С. 37.

37 Там же.

Здесь мне хотелось бы привести несколько примеров того, насколько разнообразным может быть вопрос о формировании класса и классового сознания в зависимости от контекста и обстоятельств. Охватившие Казахстан в январе 2022 года протесты, хотя были вызваны резким ростом цен на газ, однако начались именно в промышленных районах страны (первыми о своем недовольстве заявили Мангистауская и Атырауская области, далее подключились Караганда, Алматы и Уральск), где до начала протестов уже проходили многочисленные выступления рабочих³⁸. Кроме того, стоит помнить, что в Казахстане *de facto* запрещены политические партии и профсоюзы – и, несмотря на это, рабочие организовали практически всеобщую забастовку, проявив способность к самоорганизации. Если Казахстан дает пример выступления рабочих в Азии, где сконцентрированы мировые нефтедобыча и промышленное производства (Китай, Индия и другие азиатские страны по-прежнему располагают обширным промышленным рабочим классом), то попытки создания профсоюза в компании «Amazon» служат примером организации рабочих новых отраслей производства в США³⁹. Иным образом классовая борьба преломляется в университетских профсоюзах. В частности, в Великобритании участники профсоюза *University and Colleges Union* говорят о необходимости считать университетских работников частью рабочего класса, поскольку процесс девальвации навыков (*deskilling*) приводит как к серьезному ухудшению материального положения профессиональных работников, так и к прекаризации их труда, приближая их к традиционно понятому пролетариату. Неспособность отказаться от иллюзий вертикальной мобильности и интеграции в ряды более состоятельных слоев общества, по мнению участников кампании за продление временных контрактов *#CoronaContract*, чревато поражением. С их точки зрения, ухудшающееся положение университетских работников не означает автоматического развития классового сознания, «наоборот, сознание развивается, когда индивидуальные требования активно трансформируются в политические и коллективные»⁴⁰.

Здесь можно вспомнить о концепции «классовой композиции», предложенной итальянскими операистами⁴¹. Если у них класс пересобирается в новую композицию – например, союз рабочих Севера Италии и безработных Юга – в ответ на дей-

АННА ЕГОРОВА

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КАК
УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
КЛАССА

38 См.: <https://news.ru/cis/esli-v-techenie-nedeli-tokaev-ne-spravitsya-s-obstanovkoj-to-poezd-ujdyot/>.

39 См.: www.theguardian.com/technology/2022/feb/15/amazon-union-vote-workers-prepare.

40 LÊ A., OSSERMAN J. *Our Consciousness and Theirs: Further Thoughts on the Class Character of University Worker Activism* // Viewpoint Magazine. 2022. January 18 (<https://viewpointmag.com/2022/01/18/our-consciousness-and-theirs-further-thoughts-on-the-class-character-of-university-worker-activism/>).

41 WRIGHT S. *Storming Heaven: Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*. London: Pluto Press, 2002.

ствия капитала по дифференциации класса, то необходимость политического объединения говорит нам скорее не о композиции, а о «композитности» класса. В отличие от композиции, которая возникает, подобно картинке в калейдоскопе, и требует только взгляда интеллектуала, способного ее рассмотреть, композит – это рукотворный материал, состоящий из различных, не смешивающихся с другими элементов, обладающий благодаря сочетанию компонентов новыми свойствами. Целостность «композитного класса» не дана в синхронном настоящем, но требует сознательного вмешательства, намерения объединить конфликтующие, несогласованные темпоральности различных социальных групп, различных страт класса, среди прочего и через интеграцию практических и теоретических элементов, которые увеличивают не только логическую непротиворечивость, но и способность к действию. Целостность или единство «композитного класса» создается не посредством стирания различных темпоральностей, которые образуют ее, но через их организацию, которая позволяет различным ритмам и темпам переплетаться и взаимодействовать друг с другом в рамках эмансипаторного проекта. Пересборка политической классовой композиции требует непременно разбить «калейдоскоп» – «зеркало, с помощью которого претворялся в жизнь образ того или иного “порядка”»⁴². Такая смерть идеологического субъекта истории, его центростремительной логики и предзаданной идентичности означает возможность создания множественного субъекта политики.

42 Беньямин В. *Центральный парк*. М.: Grundrisse, 2015. С. 18.